

Неначерченное небо

Анастасия Валяева

Анастасия Валяева

Неначерченное небо

<https://litres.ru/74390233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кейт работает в отделе недоставленных отправок Магрока и привыкла находить путь для писем, потерявших адрес. Но однажды к ней попадает посылка, которой вообще не должно существовать. Внутри оказывается маленький живой ветер Уух, а следом находится старое письмо, адресованное дракону, до которого больше не ведёт ни одна дорога.

Чтобы доставить его, Кейт придётся заглянуть в забытые архивы, подняться на давно закрытую почтовую башню и выяснить, что на самом деле случилось со старыми воздушными путями.

Но некоторые дороги невозможно восстановить по карте или инструкции. Иногда для них нужны любопытство, доверие и тот, кто согласится создавать их вместе с тобой.

«Неначерченное небо» — уютное фэнтези о дружбе, драконах, маленьком ветре без адреса и о том, как одна недоставленная посылка может вернуть человеку целое небо.

Содержание

Глава 1. Отдел недоставленных отправлений	4
Глава 2. Где искать драконов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анастасия Валяева

Неначерченное небо

Глава 1. Отдел недоставленных отправлений

Будильник на тумбочке ещё не успел прозвенеть. Это особое удовольствие успеть выключить его до сигнала. Вот и Кейт, открыла глаза за минуту до звонка, отключила будильник и некоторое время лежала, прислушиваясь к тишине. Рядом на второй подушке валялась книга, раскрытая на одной и той же странице уже третий вечер. Кейт каждый раз собиралась прочитать ещё одну главу, но засыпала раньше, чем герои успевали покинуть трактир. Она аккуратно вложила между страницами закладку и убрала книгу на тумбочку, решив, что сегодня точно продвинется не менее чем на две страницы.

Квартира Кейт располагалась на четвёртом этаже старого дома с узкими лестницами, широкими подоконниками и балконами, которые прежний архитектор, вероятно, считал важнее кладовых. В доме постоянно что-нибудь поскрипывало, вздыхало или тихо постукивало в стенах, но за четыре года Кейт научилась отличать обычные звуки от тех, ради

которых стоило вставать с постели. Сегодня стены вели себя прилично.

За окном только начинало светать. Небо между крышами было серовато-голубым и дым из труб поднимался ровными полосами. В пекарне на другой стороне улицы уже зажгли в окнах свет. До квартиры долетал слабый запах свежего хлеба, хотя Кейт никогда не могла понять, проникал ли он через балконную дверь или просто сохранился в памяти с прошлого утра.

Спальня была откровенно маленькой и столь же откровенно уютной. Светлые занавески Кейт сшила ещё во время учёбы в Магрокском Университете, когда решила, что настоящая взрослая жизнь непременно требует собственных занавесок. Нижний край одной оказался чуть короче другого, зато по ткани тянулись вышитые вручную маленькие звёзды. За время учёбы, Кейт успела закончить только семь. Остальные были едва намечены мелом и с тех пор каждое утро обещали, что когда-нибудь станут созвездием.

На стене над кроватью висела полка с несколькими фигурками из дерева и из глины. Толстая сова в круглых очках, домик с кривой трубой, лиса в зелёном шарфе и маленький почтовый экипаж, у которого одно колесо было заметно крупнее остальных. Всё это Кейт сделала сама, хотя давно уже смотрела на фигурки не дольше нескольких секунд.

Она накинула тёплый халат и прошла в кухню.

Кухня, балкон и две комнаты – вот и вся квартира, но Кейт

сумела разместить в ней гораздо больше вещей, чем обещал план дома. Подоконники занимали горшки с травами. На кухонных полках стояли чашки, ни у одной из которых не было пары. На спинках стульев лежали связанные вручную накидки, а над дверью висела гирлянда из бумажных птиц.

Когда-то птиц было двенадцать. Теперь осталось девять. Одну унесло ветром с балкона. Вторая упала в суп. Третья была торжественно растерзана соседским котом, пробравшимся в квартиру через открытую дверь балкона. Кейт долго собиралась сделать новых, но пока только вырезала несколько крыльев и сложила их в жестяную коробку.

На кухонном столе стояла большая синяя кружка с нарисованными облаками. Рядом лежала одна салфетка и деревянная подставка под чайник в форме цветка. Лепестки Кейт выпилила сама, ещё до университета, а потом раскрасила их разными оттенками жёлтого. Краска местами стёрлась, и дерево проступало сквозь неё тёплыми светлыми пятнами.

Кейт поставила чайник на плиту и открыла шкафчик. На первой полке был чай, сахар, крупы и специи. На второй стояли банки с пуговицами, бусинами, катушками и короткими обрезками лент. К кухне они отношения не имели. Когда Кейт только переехала, ей не хватило места в большой комнате. Она временно поставила материалы в кухонный шкаф и за четыре года ни разу не нашла достаточно веской причины их перенести.

Доставая чай, неловко задела локтем одну из банок, но

ловко поймала её прежде, чем та успела упасть. Внутри звякнули разноцветные пуговицы. Кейт задержала банку в руках. Среди обычных круглых пуговиц лежали деревянные звёзочки, стеклянные капли, маленькие цветы и одна серебряная рыбка. Когда-то Кейт собиралась нашить их на мягкую сумку. Она даже связала переднюю часть, тёмно-синюю, с узором, похожим на расходящиеся круги по воде. Заднюю часть она так и не начала.

Чайник засвистел. Кейт заварила чай, добавила ложку мёда и открыла дверь на балкон.

Утренний воздух казался прохладным. Кейт укуталась в плед и села в плетёное кресло. Второго кресла на балконе не было. Места хватило бы, но Кейт всякий раз решала, что оно только помешает проходу.

С балкона были видны крыши старого города, несколько шпилей и верхняя часть почтовой башни. Башня давно не использовалась, но всё ещё возвышалась над соседними зданиями, тонкая и тёмная, с медным флюгером на остроконечной крыше. По утрам флюгер обычно смотрел к реке. Сегодня он указывал почти прямо на балкон Кейт.

За соседним окном кто-то распахнул ставни. По улице прогрехотала первая тележка. В пекарне напротив зажглось ещё одно окно.

До работы оставалось достаточно времени, чтобы спокойно позавтракать, но Кейт, как ответственный сотрудник Почты решила, что лучше прийти пораньше. В понедельник

в отдел обычно поступало больше корреспонденции, чем в другие дни. Письма, заблудившиеся за выходные, скапливались в сортировочных корзинах и ждали, пока кто-нибудь разберётся, где именно они свернули не туда.

Работа не ждала и это Кейт особенно нравилось.

Она вернулась в кухню, сполоснула кружку и поставила её сушиться. Обычно люди оставляли посуду до вечера, но Кейт не любила возвращаться к утреннему беспорядку. Вечером квартира должна была встречать её чистой кухней, заправленной кроватью и ровно сложенным пледом.

На комоде лежала связка ключей, расчёска и маленькая вязаная мышь. Мышь получилась первой игрушкой, которую Кейт связала без готовой схемы. У неё были слишком длинные лапы, разные уши и хвост, закрученный в тугую спираль. Кейт собиралась подарить её кому-нибудь из университетских друзей, но не успела выбрать кому именно. Теперь мышь охраняла ее ключи.

Кейт поправила ей загнувшееся ухо, надела пальто и проверила сумку. Служебное удостоверение. Очки. Записная книжка. Коробочка с обедом. Запасное перо. Всё лежало на своих местах.

Часы в прихожей пробили половину седьмого. Она выключила свет, заперла дверь и спустилась по лестнице. Кейт шла на работу раньше положенного времени.

Её там ждали письма...

Центральный почтамт занимал почти целый квартал. Его

строили и перестраивали столько раз, что разные части здания явно придерживались разных представлений об архитектуре. Главный фасад был строгим и торжественным. Боковые крылья выглядели деловито. Задний двор напоминал место, где кирпичные стены однажды решили самостоятельно размножиться и никому об этом не сообщили.

Отдел недоставленных писем находился на втором этаже, в конце длинного коридора, между комнатой сортировки и кладовой упаковочных материалов.

На двери висела табличка:

**ОТДЕЛ НЕДОСТАВЛЕННЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СОТРУДНИК: КЕЙТ**

Буквы были ровными, чёрными и официальными. Кейт её давно никто не называл. Когда-то так говорили родители, две университетские соседки и одна преподавательница, которая забывала имена студентов и на всякий случай уменьшала все подряд. После окончания университета соседки разъехались, преподавательница вышла на пенсию, а родители жили слишком далеко, чтобы их голоса часто звучали в двухкомнатной квартире с балконом.

В документах она значилась как Кейт. Да и коллеги тоже называли её Кейт. Так было проще.

Она открыла отдел, подняла защитные шторы на окнах и прошлась между рабочими столами, хотя по-настоящему рабочий стол здесь был только один. Три года назад, когда Кейт получила должность, ей сказали, что штат отдела вре-

менно сокращён до одного сотрудника. За три года временность успела превратиться в постоянство, завести собственный шкаф и потребовать отдельную полку для отчётов.

Кейт привычным жестом зажгла лампы над сортировочным столом, проверила переводящие кристаллы и протёрла мягкой тканью определитель адреса. Кристалл был размером с крупное яблоко и покоился в медном кольце, покрытом мелкими делениями. Если на письме забывали указать улицу, дом или даже город, прибор считывал остаточное намерение отправителя и пытался восстановить недостающую часть.

Пытался он добросовестно. Получалось не всегда. Первое письмо этого утра было адресовано: “Мужчине с зелёным зонтом, который кормит голубей у фонтана. Только не тому сердитому.”

Кейт прочитала надпись дважды. От второго прочтения адрес точнее не стал, зато возникло подозрение, что отправитель прекрасно знал двух подходящих мужчин и не считал нужным объяснять их различия остальной почтовой службе.

Кейт положила запечатанный конверт рядом с определителем адреса. Кристалл вспыхнул, задумчиво повернулся в медном кольце и показал пять городских площадей, на которых имелись фонтаны. После уточнения по зелёному зонту количество возможных получателей увеличилось до тридцати семи. Кейт сняла очки, протёрла их и снова посмотрела на шкалу.

Тридцать семь мужчин никуда не делись.

— Прекрасное начало, — сказала она.

Кристалл мигнул с достоинством прибора, выполнившего всё, что от него требовали. Кейт осмотрела конверт, не нарушая печати. На обороте отсутствовал адрес отправителя, зато в углу сохранилась бледная отметка приёмного окна с площади Мелких Колокольчиков. Чернила почти стёрлись, но дата читалась ясно: прошлый четверг.

Она настроила определитель на район отправления. Пять площадей превратились в одну. Тридцать семь мужчин превратились в двоих.

Первым оказался господин Вельт, владелец лавки пуговиц. Каждое утро он кормил голубей возле фонтана и носил с собой зелёный зонт даже в солнечную погоду.

Вторым был господин Корн, торговавший неподалёку тростями. Он тоже пользовался зелёным зонтом, иногда кормил голубей и за последний год подал в городскую службу девять жалоб на фонтан, птиц, торговцев, уличных музыкантов и слишком громкое течение времени.

Кейт перевела взгляд с одного имени на другое.

— Полагаю, сердитый найден.

Для надёжности она открыла журнал происшествий городской почтовой службы. В записи за прошлый четверг сообщалось, что на площади Мелких Колокольчиков почтовый экипаж резко остановился перед стаей голубей. Из окна выпала корзина с пирогом, которую поймал прохожий с рас-

крытым зелёным зонтом.

Ниже стояла приписка дежурного почтальона:

Корзину спас господин Вельт. Господин Корн потребовал оштрафовать голубей.

Кейт аккуратно вписала на конверт полный адрес лавки пуговиц, поставила отметку о восстановлении маршрута и переложила письмо в корзину повторной отправки.

На решение ушло двенадцать минут. Кейт была довольна проделанной работой. В девять двадцать дверь распахнулась так резко, что табличка на стене жалобно звякнула.

В отдел вкатился мистер Гром. Он был низеньким, полноватым и двигался с такой скоростью, будто опаздывал сразу в три места, два из которых ещё не успели построить. Короткие ноги едва поспевали за его намерениями. На круглом лице блестели очки, а под мышкой находилась папка, которая, судя по толщине, уже пыталась перейти в категорию холодного оружия.

— Доброе утро, Кейт. Всё спокойно?

— Письмо господину с зелёным зонтом уже отправлено повторно.

Мистер Гром кивнул, хотя едва ли знал о существовании письма.

— Прекрасно. Именно поэтому я всегда говорю, что отдел недоставленных отправок работает великолепно.

Кейт была единственным сотрудником отдела, поэтому похвала имела довольно точный адрес. Мистер Гром поло-

жил папку на край стола, вспомнил, что принёс её в другое место, подхватил снова и указал на дверь.

В коридоре стоял молодой почтальон с небольшой серой посылкой в руках.

— Это вам, — сказал мистер Гром. — То есть не вам лично. Служебно вам. Хотя и служебно она, кажется, тоже никому.

Почтальон осторожно поставил посылку на свободный стол. Коробка была обёрнута плотной серой бумагой и перевязана тонкой бечёвкой. На ней не было ни марки, ни печати, ни адреса. Кейт наклонилась ближе. Коробка тихо вздохнула. Почтальон отступил на шаг. Мистер Гром поправил очки.

— Она так делает с самого утра.

Коробка снова вздохнула, на этот раз длиннее. Бечёвка шевельнулась.

— Где её нашли? — спросила Кейт.

— В корзине внутренних отправок.

— Кто принёс?

— Никто.

Кейт посмотрела на мистера Грома. Он посмотрел на почтальона. Почтальон посмотрел на коробку. Коробка засветила.

— Возможно, кто-то всё-таки принёс, — быстро сказал мистер Гром. — Просто не признался. Люди иногда стесняются своих посылок.

— Особенно когда посылки дышат, — заметил почтальон.

Мистер Гром сделал вид, что не услышал.

— Разберитесь, Кейт. Вы у нас специалист по тому, что никто не знает, куда девать.

Это прозвучало менее лестно, чем он, вероятно, рассчитывал. Кейт надела защитные перчатки и перенесла коробку под диагностическую рамку. Сначала она установила посылку рядом с определителем адреса. Кристалл засветился бледным голубым светом, повернулся в медном кольце и остановился.

На шкале появилось: АДРЕС НЕ УКАЗАН.

— Это мы уже знаем, — сказала Кейт.

Кристалл мигнул, словно не видел причины продолжать разговор. Следом она проверила магический отпечаток отправителя. Прибор показал пустое стекло. Не было ни остаточного следа, ни повреждений, но и ответа тоже не было. Кейт поднесла к коробке переводящий кристалл. Тот прислушался к посвистыванию, задумался и произнёс:

— Предположительный язык: северное наречие.

Второй кристалл сообщил:

— Предположительный язык: староморский.

Третий после некоторого молчания выдал:

— Это сквозняк.

Коробка фыркнула и сдвинулась на два пальца вправо. Кейт вернула её на место. Мистер Гром заглянул через плечо.

— Живая?

— Пока не знаю.

— Опасная?

— Пока не знаю.

— Дорогая?

Кейт посмотрела на него.

— Этого я тоже пока не знаю.

Мистер Гром немного успокоился. Неизвестная опасность тревожила его меньше, чем неизвестная стоимость. Кейт сверилась со служебным справочником. Отправления без адреса и магического следа отправителя подлежали утилизации, если после трёх проверок их происхождение оставалось неизвестным.

Она провела четыре. Результат не изменился. Зато коробка время от времени вздыхала и будто прислушивалась к их разговору.

— Я подам запрос на самостоятельное вскрытие, — сказала Кейт.

Мистер Гром быстро заморгал.

— Сегодня?

— Сегодня.

— После закрытия почтамта?

— Так будет безопаснее.

Он кивнул с явным облегчением.

— Разумеется. И посетителей меньше. И сотрудников. И свидетелей.

— Свидетели при служебном вскрытии отправлений

обычно полезны.

— Безусловно. Но они потом пишут отчёты.

Мистер Гром вытащил из папки один лист, затем другой, потом расписание ремонта водостоков, чужую записку о пропавшей шляпе и наконец бланк разрешения.

— Заполняйте. Я подпишу.

Кейт взяла перо. В строке «Предполагаемое содержимое» она написала: субстанция неизвестного происхождения.

Коробка тихо произнесла:

— У-ух.

Кейт подняла голову.

— Вы слышали?

Но мистер Гром уже суетливо переставлял печати, пытаюсь вспомнить, какой из них заверяют вскрытие, а какой ставят на заявления об испорченных чернилах.

— Я слышу только, как рушится расписание, — пробормотал он.

Кейт посмотрела на посылку, та больше не двигалась. Только бечёвка на крышке едва заметно трепетала, хотя все окна в отделе были закрыты.

К семи часам вечера почтамт опустел. Сначала ушли посетители. Потом почтальоны. Затем сотрудники сортировки, которые ещё некоторое время спорили в коридоре, можно ли считать письмо срочным, если отправитель написал слово «немедленно» девять раз, но забыл указать адрес. Последним из соседнего кабинета вышел архивист. Он заглянул к

Кейт, увидел защитный экран, коробку и три лежащие рядом инструкции.

— Вы что-то открываете?

— Служебное отправление.

— Оно шевелится.

— Именно поэтому служебное.

Архивист подумал и решил не задавать вопросов.

Мистер Гром появился в отделе без четверти восемь. Он был в пальто, шляпе и с портфелем, но всё ещё держал печать, которую, вероятно, собирался унести домой.

— Я подписал разрешение.

— Спасибо.

— Все меры безопасности соблюдены?

Кейт указала на защитный экран, закрытые шкафы и окна. По инструкции стопки документов были прижаты тяжелыми папками.

— Да.

Мистер Гром с сомнением посмотрел на коробку.

— Может, всё-таки оставить до утра?

— Утром в коридорах будет много людей.

— Верно. Люди мешают правильной работе учреждения.

Он поставил подпись во втором экземпляре журнала.

— Если содержимое окажется опасным, вызывайте дежурную службу.

— Разумеется.

— Если очень опасным, сначала вызывайте дежурную

службу, потом меня.

— Хорошо.

— Если не опасным, но дорогим, сразу меня.

Мистер Гром направился к двери, остановился и обернулся.

— Кейт, вы ведь не обязаны каждый вечер оставаться допоздна.

— Да, это есть в трудовом договоре.

— Просто вы всегда соглашаетесь.

— Мне нетрудно.

Мистер Гром улыбнулся. Он явно услышал только последнюю фразу.

— За это я вас и ценю.

Он закрыл дверь. Через несколько секунд в коридоре слышался топот, потом его голос:

— Кто переставил лестницу? Она была здесь ещё утром!

Кейт дождалась, пока шаги стихнут. Она поставила на край стола чашку свежего чая, ещё раз перечитала инструкцию по работе с неизвестными магическими отправлениями и подтянула коробку ближе.

— Итак, — сказала она.

Коробка тихо свистнула.

— Я вскрою упаковку. Если ты меня понимаешь, постарайся не делать ничего резкого.

Бечёвка шевельнулась. Кейт решила считать это согласием. Она осторожно разрезала узел. Ничего не произошло.

Сняла верёвочку. Коробка замерла. Кейт приподняла крышку примерно на толщину пальца. Из щели донёлся глубокий вдох.

— Не надо, — сказала Кейт.

Крышку выбило вверх. Ветер вырвался из коробки с таким восторгом, словно три месяца только и ждал возможности испортить кому-нибудь вечер. Защитный экран дрогнул. Листы на столе взметнулись. Три переводящих кристалла одновременно заговорили на разных языках. Лампа качнулась, шторы вздулись, а чай в чашке за несколько мгновений стал совершенно холодным. Кейт успела прижать журнал локтем.

Ветер пронёсся вдоль потолка, нырнул за шкаф, вылетел из-под стола и закрутил вокруг неё обрывки упаковочной бумаги.

— Остановись!

В ответ он хлопнул дверцами двух шкафов.

— Это служебное помещение!

Ветер перелистал журнал до середины и выдернул закладку.

— Здесь хранятся чужие письма!

Он понёсся вдоль полок, заставляя конверты дрожать в ячейках. Кейт схватила пустой контейнер для нестабильных магических веществ и попыталась накрыть ближайший вихрь. Контейнер захлопнулся. Внутри ничего не было.

За её спиной раздалось насмешливое:

— У-ух.

Кейт резко обернулась. Порыв пронёсся мимо её лица, взъерошил уложенные в пучок светлые волосы и исчез под столом.

Оттуда пахло корицей. Кейт замерла. Корица была свежей, тёплой, с примесью печёных яблок. Ни в отделе, ни в коридоре ничего подобного не было. Это точно был запах из небольшой пекарни на первом этаже соседнего дома. По вечерам там пекли булочки, и запах иногда проникал в приоткрытые окна почтамта.

— Ты был на улице? — спросила она.

Ветер выбрался из-под стола и покрутил карандаш.

— Это не ответ.

Карандаш покатился по полу. Кейт попробовала использовать удерживающее кольцо. Обычно оно позволяло зафиксировать небольшое магическое явление в пределах очерченного круга. Она разложила медные сегменты на полу, дождалась, пока ветер опустится к упавшим бумагам, и активировала кольцо.

Голубая граница вспыхнула. Ветер оказался внутри. Ровно на три секунды! Потом он поднялся вверх, где никакой границы не было, и вылетел из круга. Кейт посмотрела на инструкцию. На схеме неизвестное магическое образование послушно сидело в центре кольца.

— Автор инструкции никогда не встречал ветер, — сказала она.

Порыв согласился, громко хлопнув дверцей. Следующие

десять минут ушли на попытки закрыть все щели, через которые ветер всё равно не собирался покидать комнату. Ему нравилось внутри.

Он перебирал бумаги, звенел металлическими скрепками, шуршал конвертами и один раз обернулся вокруг переводящего кристалла, заставив его торжественно произнести:

— Уважаемый господин кабачок.

Кейт выдернула кристалл из подставки.

— Никто здесь не кабачок.

Из коридора донёсся тонкий отголосок чужого голоса:

— ...в нижнем ящике...

Следом в комнату ворвался запах мятных пряников. Кейт нахмурилась.

Мистер Гром действительно держал сладости в нижнем ящике стола. Он думал, что никто об этом не знает, хотя об этом знали все в отделении.

Ветер кружил возле потолка и тихо повторял:

— Ящике... ящике...

— Подслушивать нехорошо.

— Нехорошо, — прошелестел он чужой интонацией.

Кейт подняла палец.

— И передразнивать тоже.

Ветер дунул на чашку, хотя чай и без того давно остыл. Кейт закрыла глаза. Она любила порядок не потому, что была скучной. Во всяком случае, именно так она объясняла это себе. Порядок позволял находить вещи. Письма. Адреса.

Причины ошибок. Иногда людей.

С ветром порядок не работал. Он не слушал команд, не боялся защитных приборов и не понимал служебных формулировок. Либо прекрасно понимал, но не считал их достойными внимания. Кейт оглядела комнату.

На полу валялись листы, бечёвка, обрывки серой бумаги и красная лента, которой утром была перевязана пачка уведомлений.

Ветер снова схватил ленту. Она вытянулась в воздухе, задрожала, сделала петлю и мягко опустилась на стол. Кейт посмотрела на неё. Потом на тонкую верёвку. Потом снова на ветер.

В университете их учили работать с непредсказуемыми магическими явлениями. Нужно было определить природу объекта, установить границы, выбрать подходящий прибор и применить утверждённый способ взаимодействия.

Никто не предлагал сделать игрушку. Кейт сняла перчатки. Она нашла в ящике ножницы, взяла квадрат плотной бумаги и согнула его по диагонали. Пальцы сначала двигались неловко. Бумага не хотела складываться ровно. Один угол получился короче остальных.

Кейт нахмурилась и начала заново. Ветер опустился ниже. Он больше не хлопал дверцами, а только шевелил края бумаги.

Кейт разрежала квадрат от углов к центру, загнула четыре лопасти и закрепила их канцелярской кнопкой на конце ка-

рандаша.

Получилась простая вертушка, слегка кривая, с одной испачканной чернилами лопастью.

Кейт подняла её.

— Вот.

Ветер осторожно коснулся бумаги. Вертушка дрогнула. Потом сделала один оборот. Ещё один. Порыв усилился. Бумажные лопасти завертелись быстрее, но ветер уже не метался по комнате. Он кружил вокруг игрушки, то ускоряя её, то почти останавливая, словно проверял, насколько точно способен управлять движением.

Кейт присела на край стола. На несколько минут в отделе стало тихо. Только вертушка шуршала на карандаше. Кейт поймала себя на том, что улыбается. Она давно ничего не мастерила руками. Кроме служебных записей, печатей и перевязывания архивных пачек, но это не считается. Ей казалось, что этот навык забыт вместе с другими бесполезными занятиями. Но пальцы всё ещё помнили.

Ветер замедлил вертушку и тихо произнёс:

— У-ух.

— Это звук или имя?

Он качнул бумажную игрушку.

— Уух, — повторила Кейт. — Хорошо. Пока будем считать, что имя.

Порыв взметнул светлую прядь у её виска. Кейт открыла журнал происшествий и написала: «Содержимое отправле-

ния: малое воздушное образование, предположительно самостоятельное.»

Ветер сдвинул чернильницу, а Кейт добавила: «Подвижное.» Он перелистнул страницу. «Чрезвычайно подвижное.» Ветерок дунул на перо и на полях появилась длинная чернильная линия.

— И невоспитанное.

Кейт закрыла журнал ладонью.

— Меня зовут Кейт.

Ветер пролетел над столом, задел табличку на двери, вернулся и прошептал:

— Кей-ти.

— Кейт.

— Кей-ти.

— Это лишний слог.

Уух снова потянулся к её чашке.

— Даже не думай. Чай и так холодный.

Вертушка закрутилась быстрее. Кейт вздохнула и начала собирать бумаги с пола.

Уух помогал по-своему. Он поднимал листы, но не обязательно те, которые она хотела. Один документ трижды возвращался под шкаф. Другой ветер заботливо положил ей на голову. Тем не менее через полчаса в отделе снова можно было ходить, не наступая на служебные тайны.

Кейт упаковала пустую коробку, но закрывать в ней Ууха не стала. Он сидел тихим вихрем возле вертушки, время от

времени заставляя её делать ленивый оборот.

В журнале оставалась незаполненной строка: Дальнейшее распоряжение содержимым.

По правилам Кейт должна была либо передать неопознанное магическое образование специалистам, либо поместить его в защищённое хранилище до выяснения происхождения.

Она представила Ууха в хранилище. Там стояли металлические контейнеры, запечатанные банки и ящики с предупреждающими табличками. Уух, скорее всего, продержался бы внутри около минуты. Потом всему почтамту пришлось бы искать собственные документы на соседних крышах.

Кейт написала: «Временно оставлено под наблюдением ответственного сотрудника отдела.»

Уух мягко прошелестел:

— Кей-ти.

Она не стала исправлять.

Было уже почти девять. Кейт собиралась закончить отчёт, запереть отдел и решить, что делать с Уухом до утра. Оставить его одного она не могла. Ветер успел доказать, что испытывает глубокий интерес ко всему, что не прикреплено к полу. В её квартире тоже хватало незакреплённых вещей, но там хотя бы не хранилась чужая корреспонденция.

Мысль взять Ууха домой сначала показалась Кейт неправильной. Потом вспомнилось, что дома её никто не ждёт, и идея зять ветерок домой показалась не самой плохой.

— Ты полетишь со мной, — сказала она. — Но при одном

условии.

Уух закрутил вертушку.

— В квартире нельзя разбрасывать бумаги.

Вертушка замедлилась.

— Нельзя открывать шкафы.

Она остановилась.

— И охлаждать чай без разрешения.

Уух исчез. Кейт услышала шорох за дальним сортировочным шкафом.

— Принимай условия такими, иначе останешься на складе.

Из щели между стеной и шкафом пахнуло пылью, старым деревом и дождём. Кейт подошла ближе. Дождя сегодня не было. Запах был не свежим, а словно принесённым из другого места. Влажный камень, мокрый металл, холодный воздух высоко над крышами.

— Уух?

Из-за шкафа донеслось приглушённое:

— У-ух.

Потом что-то заскребло внутри стены. Кейт взяла лампу и осмотрела панель за шкафом. Когда-то здесь проходил один из старых каналов внутренней воздушной почты. До перестройки здания по ним перемещались срочные записки и небольшие свёртки. Позже каналы закрыли, потому что они слишком часто путали этажи и однажды доставили ведомость о закупке чернил прямо в дымоход.

В стене сохранилась узкая латунная дверца. Кейт никогда её не открывала. По документам канал был пуст и запечатан задолго до того, как она пришла работать в отдел. Теперь дверца дрожала. Кейт отодвинула защёлку. Уух вылетел наружу, неся за собой облако пыли. Кейт расчихалась.

— Я говорила не разбрасывать...

Из канала выпал конверт. Он скользнул по краю каталожного шкафа и опустился на пол. Уух замер над ним. Он не попытался перевернуть письмо и даже не поддел уголок бумаги.

Кейт подняла конверт. Тот был плотным, светло-серым, с едва заметным голубоватым отливом. Бумага не выглядела старой. На ней не было пятен, разрывов или следов сырости, хотя канал не открывали много лет.

Марки отсутствовали. В правом верхнем углу стояла печать, которую Кейт прежде видела только в учебниках.

Крыло над изогнутой линией. Знак воздушных дорог Слава.

Кейт поднесла конверт ближе к лампе. Чернила на печати не выцвели. Такого не могло быть. Воздушные маршруты Слава перестали использовать задолго до её рождения. Большинство старых печатей хранились в музеях и архивах. Рабочие штампы уничтожили или передали в коллекции. Она перевернула конверт.

На лицевой стороне было написано всего несколько слов: «Дракону, прокладывавшему воздушные пути вместе со

Славом. Лично.»

Кейт перечитала адрес несколько раз. Это ничего ей не прояснило.

На главной площади Магрока стоял памятник Славу. Огромный дракон был изображён в момент взлёта. Его каменные крылья поднимались над постаментом, отбрасывая длинную тень. На спине дракона сидел всадник в дорожном плаще, одной рукой державшийся за ремни, а другой указывавший вперёд.

На постаменте была выбита надпись: «Слав, всадник великого дракона», имени его дракона на памятнике не было.

В музейных брошюрах его называли спутником Слава, помощником, иногда ездовым драконом. В университетском курсе истории почтовых дорог ему посвятили две строки.

Кейт всегда считала это странным, но не настолько странным, чтобы попытаться выяснить больше.

Она положила конверт на диагностический стол.

— Откуда ты его достал?

Ух качнулся в сторону канала.

— Это я видела.

Ветер принёс запах мокрого камня.

— Ты летал внутри стены?

Он тронул край конверта и сразу отступил.

Кейт включила лампу проверки безопасности. Бумага не содержала яда, проклятия или активной защитной магии. След отправителя отсутствовал.

Это было редкостью в отделе Кейт и уже начинало становиться неприятной привычкой. Она поместила письмо рядом с определителем адреса. Кристалл не загорелся. Кейт проверила соединения, протёрла поверхность и попробовала снова. Ничего.

— Адрес не указан, адресат тоже, — сказала она, хотя Уух не спрашивал. — Должно быть имя, место или хотя бы устойчивый магический ориентир.

Она подвинула конверт ближе.

— Дракон, который прокладывал пути со Славом. Этого недостаточно. Драконов было много.

Уух тихо прошелестел. Кейт вспомнила памятник. Человек и безымянный дракон. Она повернула медное кольцо определителя в режим поиска по намерению отправителя. Этот способ использовали редко. Он требовал больше энергии и иногда показывал не настоящий адрес, а место, которое отправитель ошибочно считал правильным.

Кейт положила ладонь на край прибора.

— Поиск адресата.

Кристалл вспыхнул. Сначала внутри него появилась мутная белая дымка. Потом голубая точка. Точка поднялась вверх. Медное кольцо повернулось следом, хотя шкала была рассчитана на стороны света, городские сектора и дальность маршрута. Стрелка прошла север. Восток. Юг. Снова север. Потом встала вертикально.

Кейт медленно убрала руку. Такого положения на шкале

не существовало. Кристалл задрожал.

На его поверхности проступили буквы: АДРЕСАТ ОПРЕДЕЛЁН.

Кейт задержала дыхание. Появилась вторая строка: АДРЕСАТ СУЩЕСТВУЕТ.

Кейт задержала дыхание, в кабинете стало очень тихо. Даже старые трубы в стенах перестали постукивать. Кейт смотрела на слова, ожидая, что они исчезнут или сменятся сообщением об ошибке. Но кристалл продолжал светиться.

Третья строка появлялась медленно, словно прибору не хватало подходящих обозначений: ДЕЙСТВУЮЩИЙ МАРШРУТ ОТСУТСТВУЕТ.

Кейт перечитала сообщение. Адресат существовал. Дракон, которого не было на картах, в справочниках и действующих регистрах, существовал.

Письмо можно было доставить. Только дороги к нему не было. Уух опустил на стол. Он больше не играл с бумагами, не шептал подслушанные слова и не крутил вертушку.

Вокруг конверта двигался слабый прохладный воздух. От него пахло высотой. Кейт не могла подобрать точного слова. Это был запах холодного камня, далёкой грозы и чего-то ещё, незнакомого, но вызывающего странное желание поднять голову. Кейт посмотрела на старый канал в стене. Потом на печать воздушной почты. Потом на Ууха.

— Ты знал, что письмо там?

Ветер едва заметно качнулся. Это могло означать что

угодно.

Кейт принесла регистрационный журнал. Тот, который использовали для дел, не подходящих ни к одной существующей категории. За три года она открывала его только дважды.

Один раз из-за посылки, адресованной дому, которого ещё не построили. Второй раз из-за письма, написанного на языке, который появился через неделю после отправки. Кейт обмакнула перо в чернила.

В графе «Тип отправления» она написала: Письмо. Воздушная почта.

В графе «Предполагаемый адресат»: Дракон, связанный с маршрутами Слава. Имя неизвестно.

В графе «Причина недоставки» перо остановилось.

Обычно здесь писали: неверный адрес, ошибка перевода, повреждение маршрута, отказ получателя, отсутствие магической отметки.

Кейт посмотрела на светящийся кристалл. АДРЕСАТ СУЩЕСТВУЕТ.

Она медленно вывела: «Отсутствует известная дорога к адресату.» Ух легко подул на чернила, те мгновенно высохли.

— Спасибо, — сказала Кейт.

Он качнул край страницы. Рабочий день закончился почти четыре часа назад. Дома её ждали пустая кухня, холодный балкон и кресло, повёрнутое к крышам.

Но впервые за долгое время Кейт не собиралась возвращаться одна. Она убрала письмо в защищённую папку, погасила определитель адреса и взяла бумажную вертушку.

— Идём, Уух.

Ветер обернулся вокруг её запястья прохладным кольцом, затем сорвался вперёд и распахнул дверь. Листы на столе поднялись. Кейт успела поймать журнал.

— Мы договорились насчёт бумаг.

Из коридора донеслось весёлое:

— Кей-ти.

Кейт заперла отдел и пошла следом. За стенами почтамта город жил своей обычной вечерней жизнью. Светились окна, закрывались лавки, над крышами тянулись печные дымки. На площади гранитный Слав смотрел в тёмное небо, а каменный дракон оставался без имени. В служебной папке лежало письмо, которое доказывало, что один из исчезнувших драконов всё ещё существует. Оставалось выяснить, куда исчезли те, к кому больше не ведут дороги.

Глава 2. Где искать драконов

До дома Кейт добралась позже, чем собиралась, хотя почта и её квартира находились не так далеко друг от друга. Уух считал иначе. Он задержался возле каждой водосточной трубы, заглянул под три навеса, прокатился по перилам закрытой лавки и едва не унёс с доски объявлений листок о пропавшем полосатом коте. Кейт успела прижать объявление ладонью.

— Это не твоё.

Уух качнул нижний край бумаги.

— И не моё. Поэтому оставь на месте.

Ветер отпустил листок и тут же нырнул в щель между двумя домами. Через мгновение оттуда пахнуло мокрой штукатуркой, жареным луком и чем-то острым, от чего Кейт чихнула.

— Даже не хочу знать, где ты это нашёл.

— Нашёл, — отозвался Уух голосом кого-то из прохожих.

— Ты ничего не искал.

— Не искал, — послушно повторил он и взметнул с мостовой сухой лист.

Кейт остановилась.

— Уух.

Лист опустился ей на плечо.

— Хорошо. С этим пока можно жить.

На главной площади уже почти никого не было. Фонари зажигались один за другим, растекаясь по камням тёплыми кругами. За спиной гранитного Слава темнело небо. Каменный дракон под ним казался больше, чем днём. Вечером тени скрывали трещины на крыльях и сглаживали черты морды, поэтому памятник выглядел не старым, а настороженным.

Кейт невольно замедлила шаг. Она много раз проходила здесь после работы. Иногда смотрела на памятник, чаще думала о покупках, отчётах или о том, не забыла ли выключить лампу над диагностическим столом. Дракон всегда был частью площади, почти такой же привычной, как фонтан и продавец печёных каштанов.

Теперь в защищённой папке её отдела лежало письмо, адресованное ему или одному из тех, кто летал рядом с ним.

«Адресат существует.»

Эти слова никак не желали становиться обычной служебной формулировкой. Они цеплялись за мысли и возвращались, сколько бы Кейт ни напоминала себе, что определитель адреса всего лишь прибор. Очень сложный, крайне точный и временами самодовольный, но всё-таки прибор.

Ух обернулся вокруг её шеи прохладной лентой.

— Не надо, щекотно.

Он поднялся выше и тронул выбившуюся из пучка прядь.

— И волосы оставь в покое.

— В покое, — прошелестел ветер.

На этот раз чужая интонация оказалась такой рассудительной, что Кейт посмотрела на него с подозрением.

— Откуда ты это принёс?

Уух ответил запахом корицы.

— Понятно. Из пекарни.

Он радостно закрутился.

— Это не означало, что я угадала, где ты был. От пекарни пахнет на половину улицы.

К подъезду они подошли вместе. Кейт отперла дверь, вошла в тёмный коридор и протянула руку к настенной лампе. Уух опередил её. Он проник внутрь стеклянного плафона, огонёк дрогнул, вспыхнул ярче и тут же погас.

— Это была попытка помочь?

Из плафона донеслось осторожное:

— Кей-ти.

— Будем считать, что да.

На четвёртый этаж Кейт поднималась по лестнице, а Уух летел рядом, проверяя каждую щель в перилах. На второй площадке он принёс запах мыла. На третьей — тушёной капусты. Возле двери Кейт от него неожиданно пахнуло кошачьей шерстью.

Кейт быстро оглянулась. Соседского кота поблизости не было.

— Только не вздумай приглашать его внутрь.

Уух прошёл сквозь замочную скважину.

— Это тоже не приглашение!

За дверью тихо звякнули ключи. Кейт поспешно отперла замок и вошла. Маленькая вязаная мышь лежала на комодѣ, слегка завалившись на бок и подрагивала. Ух кружил над ней с явным интересом.

— Мышь не трогай.

Он опустилсѣ ниже.

— Я серьёзно.

Ветер поднял у мыши загнувшееся ухо и аккуратно отпустил.

Кейт сняла пальто.

— Так лучше.

Она положила служѣбную сумку на комод, задержала на ней руку и только потом вспомнила, что письмо осталось в отделе, запертое. До этой минуты ей казалось, будто конверт идёт следом. Присутствие письма ощущалось почти физически, хотя между ним и квартирой лежали четыре улицы, площадь и толстая стена центрального почтамта.

Ух тем временем исчез.

— Ух?

Из кухни донёсся звон. Кейт нашла его возле шкафа. Дверца была открыта, а на столе стояла банка с пуговицами. Ух крутил над ней серебристую рыбку.

— Мы договаривались насчёт шкафов.

Рыбка медленно опустилась в банку.

— Кей-ти.

— Именно. Я Кейт, а ты нарушил первое домашнее пра-

вило через минуту после прихода.

Ветер прикрыл дверцу. Слишком резко. Банки внутри звякнули целым хором.

— Это нельзя считать извинением.

Уух затих. Кейт посмотрела на открытую банку, на разноцветные пуговицы и деревянные звёздочки, потом на бумажные крылья, сложенные в жестяной коробке у стены. Одно крыло уже лежало на столе. Второе парило возле потолка.

— Верни.

Оба крыла опустились рядом. Над кухонной дверью висели девять бумажных птиц. Уух поднялся к гирлянде. Птицы закачались, зашелестели и одна за другой повернули головы, хотя голов у них, строго говоря, не было. Кейт делала их из сложенных листов бумаги, и сходство с птицами зависело от воображения наблюдателя. Когда-то воображения у неё было достаточно.

— Осторожнее, они старые.

Ветер прошёл вдоль гирлянды мягче. Бумажные крылья дрогнули, будто птицы ненадолго вспомнили, зачем их создавали.

Кейт поставила чайник на плиту. Уух тут же направился к нему.

— Чай не охлаждать.

Он остановился.

— Даже потом.

Уух выразительно качнул крышку сахарницы.

— Я знаю, что вчерашний чай остыл без твоего участия. Сегодня будет иначе.

Пока грелась вода, Кейт достала хлеб, сыр и яблоко. После долгого рабочего дня ужин выглядел скромно, но сейчас ей не хотелось готовить. Уух подхватил яблоко за хвостик. Оно приподнялось на два пальца, качнулось и упало обратно.

— Тяжёлое?

— У-ух.

— Считай это полезным открытием.

Она разрежала яблоко. Уух понёс запах по кухне, и на несколько секунд показалось, что яблок здесь целая корзина. Потом к нему примешалась корица из пекарни.

— Так нечестно, — сказала Кейт. — Теперь мне хочется пирога.

Ветер дунул в сторону окна.

— Нет. За пирогом я сегодня не пойду.

После чая Кейт открыла книгу. Герои по-прежнему сидели в трактире, где провели уже три её вечера. Один из них собирался сообщить остальным что-то важное, но Кейт прочитала первую строку четыре раза и не поняла ни слова.

«Адресат существует.»

Она перевернула страницу, потом вернулась назад. Почему на памятнике не было имени дракона? Почему в университетском учебнике ему отвели две строки? Куда делись воздушные дороги? И главное: куда исчезли сами драконы?

В детстве Кейт не задавалась этим вопросом. Драконы

принадлежали старым песням, памятникам, праздничным представлениям и сказкам в книжках с цветными картинками. Они существовали когда-то, а потом перестали появляться. Так же исчезли некоторые старые ремёсла, изменились названия улиц и закрылись дороги, которыми никто больше не пользовался.

Только ремёслам обычно не отправляли личных писем. Кейт закрыла книгу. Уух устроился внутри большой синей кружки с облаками. Самого его почти не было видно, только по краю время от времени пробегала прохладная рябь.

— Это моя кружка.

Ветер осторожно приподнялся.

— Сиди. Всё равно чай я уже выпила.

Он опустил обратно. Кейт взяла записную книжку и открыла чистую страницу. В первой строке написала «Городская библиотека».

Перо замерло. Уух выбрался из кружки и пролетел над столом. От него пахло пылью, деревянными полками и старой бумагой.

— Ты успел побывать в библиотеке?

Ветер качнул угол страницы.

— Нет, конечно. Это от моей книжной полки.

Он перелистнул несколько листов.

— Не мешай.

Кейт вернула страницу и продолжила: «Слав и воздушные дороги. История драконов. Заккрытие воздушной почты.

Список известных драконов. История памятника».

Она задумалась и добавила: «Почему имя дракона не указано».

Последнюю строку перечеркнула. Библиотечный каталог вряд ли понимал вопросы, начинавшиеся с «почему». Вместо этого написала: «Документы о создании памятника». Уух дунул на чернила.

— Спасибо.

Он качнул перо, но писать не попытался. Только покрутил его между краем чернильницы и пальцами Кейт, словно проверяя, насколько легко оно поднимается.

— Нет, это не игрушка.

Перо легло на стол. Кейт посмотрела на часы. Была почти полночь.

— Завтра после работы я схожу в библиотеку.

— Библиотеку, — прошептал Уух голосом, который мог принадлежать ей самой.

— Не завтра. Когда, найду место в графике между домом и работой, — сказала Кейт и тут же почувствовала себя глупо.

Уух закрутил бумажных птиц.

— И не надо смеяться.

Ветер не умел смеяться по-человечески, но гирлянда зашелестела именно так. Перед сном Кейт проверила окна, закрыла кухонный шкаф и убрала банку с пуговицами подальше от края. Ууху она положила на тумбочку бумажную вер-

тушку.

— Можешь остаться здесь. Только тихо.

Вертушка сделала один оборот. Кейт легла, погасила лампу и закрыла глаза. Через несколько минут она открыла их снова. Книга лежала на второй подушке. За окном кто-то поздно возвращался домой. По мостовой стучали каблуки, потом хлопнула дверь. В стене тихо вздохнула труба. Кейт перевернулась на другой бок.

Дракон существовал. Где-то сейчас находилось огромное живое существо, которое когда-то поднималось над городом, прокладывало дороги вместе со Славом и, возможно, видело крыши с такой высоты, откуда весь город помещался между двумя взмахами крыльев.

Ему отправили письмо. Кто отправил? Когда? Почему письмо выглядело новым?

Кейт села и включила лампу. Уух кружил возле вертушки, но не играл. Он словно ждал.

— Я просто проверю одну вещь.

Она взяла книгу по общей истории города, нашла в указателе слово «драконы» и открыла нужную страницу. Там говорилось о торжественном открытии воздушных маршрутов, развитии торговли и заслугах Слава. Драконы упоминались во множественном числе, без имён и подробностей.

Следующая ссылка вела к главе о строительстве почтовой башни.

Кейт прочитала две страницы и обнаружила, что уже не

помнит первую.

— Бесполезно.

Уух принёс запах дождя. За окном небо было ясным. Кейт подошла к балконной двери. Над крышами висели звёзды. Старая почтовая башня темнела вдалеке, и её медный флюгер был едва различим.

— Откуда дождь?

Уух опустился на подоконник. Запах постепенно рассеялся. Кейт вернулась в постель. В час ночи ей показалось, что в стене кто-то скребётся. Это оказалась ветка. В два она проснулась от шороха и обнаружила, что Уух раскачивает занавеску.

— Тише, я всё-таки пытаюсь спать.

Занавеска замерла. В половине третьего Кейт снова встала. На этот раз она пошла на кухню, зажгла маленькую лампу над столом и достала жестяную коробку с бумажными крыльями. Девять птиц над дверью медленно качались.

— Трёх всё равно не хватает, или хотя бы одной, для ровного счета — сказала Кейт.

Уух появился рядом. Она выбрала два крыла, нашла полоску плотной бумаги и маленькую деревянную бусину. Пальцы помнили порядок лучше, чем она ожидала. Согнуть. Прижать. Продеть нить. Закрепить узел.

Первая попытка вышла кривой. Кейт разобрала птицу и начала заново.

Уух держался поблизости. Иногда он шевелил кончик ни-

ти, но после одного замечания перестал. Через двадцать минут десятая птица висела среди остальных. Она была светлее, чуть меньше и смотрела в другую сторону.

Кейт поднялась на носки, поправила крыло.

— Так даже лучше.

Ух осторожно подул. Десять птиц пришли в движение. Кейт улыбнулась, хотя спать ей оставалось меньше трёх часов.

Утром будильник всё-таки успел прозвенеть. Кейт выключила его со второго удара и некоторое время смотрела в потолок, пытаясь понять, почему ночь закончилась так быстро. Рядом, на подушке, лежала книга. Герои всё ещё не покинули трактир. Ух обнаружился над кухонной дверью. Он кружил среди бумажных птиц и заставлял новую лететь чуть выше остальных.

— Доброе утро, — сказала Кейт.

— Утро, — отозвался он голосом раннего прохожего.

Кейт посмотрела на часы.

— Спорное утверждение.

За завтраком Ух дважды пытался остудить чай. Первый раз Кейт прикрыла кружку ладонью. Второй он остановился сам, едва коснувшись пара.

— Учишься.

Вертушка на столе закрутилась быстрее.

— Только не гордись слишком сильно.

Кейт убрала записную книжку в сумку, проверила служеб-

ное удостоверение и перед выходом оглянулась на гирлянду. Десятая птица висела немного криво, но даже Уух не стал её поправлять.

Центральный почтамт по утрам напоминал огромный механизм, собранный из людей, тележек, корзин и нескольких поколений не всегда совместимых магических устройств.

Во внутреннем дворе уже стояли фургоны приёмных пунктов. На каждом была нарисована эмблема района: мост, колокольчик, дубовый лист, три рыбы, башенные часы, район производственных кварталов был обозначен шестерёнкой, а университетский - книгой. Из кузовов выгружали запечатанные мешки с письмами и деревянные ящики с посылками. Служащие сверяли бирки, ставили время прибытия и перекладывали отправления на тележки, которые одна за другой исчезали в широких дверях сортировочного зала.

Уух замедлился. Вокруг было столько бумаги, лент, бирок и лёгких упаковочных стружек, что для маленького ветра двор, вероятно, выглядел праздничной ярмаркой.

— Даже не думай, — предупредила Кейт.

Он поднял одну соломинку.

— Это можно.

Соломинка взлетела выше.

— Одну.

Следом поднялась вторая.

— Уух.

Вторая опустилась. Первая осталась кружить с ним, как

чрезвычайно скромное зная.

Кейт вошла в сортировочный зал. Здесь утренний гул становился плотнее. Вдоль стен тянулись длинные столы, над ними висели карты городских районов. Корзины двигались по направляющим. Почтовые метки вспыхивали разными цветами, определяя срочность и способ доставки. Обычные письма уходили в районные секции. Посылки поступали на отдельную линию, где проверяли крепость упаковки и соответствие веса регистрационной записи. Срочные отправления собирали у дальней стены под красными лампами.

Над центральным столом висела табличка: «СНАЧАЛА РАЙОН. ПОТОМ МАРШРУТ. ПОТОМ ОТСТАВИТЬ ПАНИКУ».

Кейт не знала, кто добавил последнюю фразу. Мистер Гром трижды приказывал её убрать, но всякий раз табличка возвращалась. Возможно, сортировщики считали её частью техники безопасности.

Тележка с эмблемой Мелких Колокольчиков остановилась у приёмного стола. Служащая перерезала пломбу и высыпала письма на движущуюся ленту. Большинство сразу подсветилось мягким зелёным светом. Несколько получили жёлтую отметку и свернули в боковую корзину.

Ух последовал за ними.

— Вернись.

Он остановился над жёлтой корзиной.

— Эти письма ещё не наши. Сначала обычная сортировка

попробует восстановить маршрут.

Уух качнул ближайший конверт.

— Не трогай.

К нему подошёл молодой сортировщик, державший под мышкой три папки и один бутерброд. Судя по выражению лица, бутерброд был единственным предметом, судьба которого волновала его по-настоящему.

— Это ваше? — спросил он, глядя на Ууха.

— Временно под моим наблюдением.

— Оно живое?

— Он живой.

Сортировщик перевёл взгляд на соломинку, которая всё ещё кружила над Уухом.

— А имя есть?

— Уух.

Ветер дёрнул угол его верхней папки. Молодой человек прижал бумаги плотнее локтем.

— Очень содержательное имя.

— Он выбрал его сам.

— Повезло. У нас вчера определитель назвал потерянную посылку «господином кабачком».

Кейт решила не рассказывать, что это могло быть последствием знакомства прибора с Уухом. Сортировщик поставил папки на стол и вытащил из жёлтой корзины письмо.

— Вот это, наверное, к вам. Приёмный пункт у Южных ворот. Адрес, кажется, составляли после долгого разговора

с птицами.

На конверте было написано: «Мастеру флюгеров, у которого железный петух всегда смотрит на булочную, даже когда ветер дует в другую сторону».

Ниже стояла аккуратная служебная отметка: «Предполагаемый адресат существует. Отправитель другого адреса не знает. Намерение устойчивое. Требуется уточнение».

— Почему они вообще приняли это письмо? — спросил сортировщик. — Там нет ни улицы, ни имени.

— Есть предполагаемый адресат и устойчивый ориентир.

— Железный петух?

— Мастер флюгеров с определённым железным петухом.

— Который любит булочную.

— Это уже личное дело петуха.

Сортировщик задумался.

— Значит, в приёмном пункте можно написать что угодно?

— Нельзя. Полностью пустой адрес не примут. Но люди не всегда знают фамилию, номер дома или название мастерской. Если по описанию и намерению отправителя можно начать поиск, письмо регистрируют и предупреждают, что доставка займёт больше времени.

— А потом оно приходит к вам.

— Только если сортировочные приборы не справились. Приёмщик не должен закрывать окно и бегать по городу в поисках каждого человека с зелёным зонтом. Его задача —

проверить, что отправитель действительно имеет в виду кого-то конкретного.

Молодой человек посмотрел на письмо.

— А если отправитель имеет в виду не того?

— Тогда определитель покажет противоречие, письмо вернут на уточнение или передадут мне.

— Удобно.

— Для отправителя.

— А для вас?

Кейт взяла конверт.

— У меня благодаря этому есть работа.

Ух дунул на бутерброд в руке сортировщика.

Тот отступил.

— Этого в адресе нет.

— Ух, оставь завтрак человека в покое.

Ветер отпустил край салфетки.

— Благодарю, — сказал сортировщик. — Я только начал с ним эмоционально сближаться.

Кейт положила письмо в корзину своего отдела.

— Полностью безадресные отправления через приёмные пункты не проходят. Если внутри почтамта обнаруживается посылка без единой отметки, значит, адресная часть потерялась, её кто-то подложил или произошло что-то необычное.

Сортировщик посмотрел на Уху.

— Насколько необычное?

— Примерно настолько.

Уух гордо поднял соломинку. В отдел Кейт они пришли без происшествий, если не считать трёх перевёрнутых карточек на двери кладовой и одного принесённого из коридора запаха горчицы.

Кейт открыла окна, подняла защитные шторы и поставила бумажную вертушку на край свободного стола.

— Здесь ты остаёшься, пока я работаю.

Уух облетел комнату.

— Полки не трогать. Ящики не открывать. В старый канал не лезть.

Он остановился возле латунной дверцы.

— Особенно в канал.

Вертушка сделала оборот, похоже, что недовольный.

Кейт сняла пальто и проверила защищённую папку. Письмо дракону лежало внутри точно так, как она оставила его вечером. Светло-серая бумага, голубоватый отлив, старая печать воздушных дорог. Кейт закрыла папку.

Сначала обычная работа. Она разобрала утреннюю корзину. Письмо в дом с «круглым окном и собакой, которая не любит красные шляпы» оказалось предназначено для аптекаря на улице Мостовщиков. Посылка госпоже Лемм вернулась из-за того, что её дом на прошлой неделе передвинулся на соседний участок во время ремонта фундамента. Три письма были оформлены правильно, но районная маршрутная метка почему-то упорно отправляла их к городской купальне.

К десяти часам Кейт восстановила два адреса, исправила четыре маршрута и составила запрос в техническую службу с просьбой выяснить, почему купальня второй день притягивает корреспонденцию городского суда.

В десять пятнадцать дверь распахнулась. Мистер Гром вошёл быстро, захлопнул дверь, тут же открыл её снова, выглянул в коридор и только после этого прошёл к столу.

— Доброе утро, Кейт.

— Доброе утро.

Уух поднялся над вертушкой.

Мистер Гром замер.

— Оно здесь.

— Он.

— Он здесь.

— Я не могла оставить его одного дома.

— Разумеется. Нельзя оставлять дома неизвестное магическое явление. Особенно если дом ваш.

Уух подлетел ближе и принёс запах мятных пряников. Мистер Гром машинально прикрыл рукой карман пальто.

— Это ничего не доказывает, — сказал он.

— Я ничего не спрашивала.

— И правильно.

Уух прошептал:

— Нижнем ящике.

Мистер Гром побледнел.

— Что?

— Он приносит обрывки случайно услышанных разговоров.

— Каких разговоров?

— Случайных.

— Из каких кабинетов?

— Этого он не объясняет.

Мистер Гром посмотрел на Ууха с новым уважением, в котором тревоги было заметно больше, чем уважения.

— Ему нельзя свободно летать по почтамту.

— Я уже установила правила.

В этот момент Уух открыл дверцу верхнего шкафа.

Кейт закрыла глаза.

— Мы продолжаем их устанавливать.

Мистер Гром подошёл к журналу происшествий.

— Я получил вашу вчерашнюю запись.

— Я предполагала.

— Малое воздушное образование, предположительно самостоятельное, подвижное, чрезвычайно подвижное и невоспитанное.

— Последнее слово в журнал не вошло.

— Жаль. Оно многое объясняет.

Он перелистнул страницу и увидел новую регистрацию. Движения его замедлились.

— Что это?

Кейт не ответила сразу. Мистер Гром прочитал вслух:

— Письмо. Воздушная почта. Дракон, связанный с марш-

рутами Слава. Имя неизвестно. Отсутствует известная дорога к адресату.

Он поднял голову.

— Кейт.

— Да?

— Почему у нас письмо дракону?

— Потому что его нашли в старом воздушном канале.

— Я вижу, где его нашли. Я спрашиваю, почему оно всё ещё у нас.

Кейт открыла защищённую папку и положила её на диагностический стол.

Мистер Гром не приблизился.

— Определитель подтвердил адресата, — сказала она. — Адресат существует.

— Приборы ошибаются.

— Этот прошёл утреннюю проверку.

— Значит, сегодня он ошибается особенно нагло.

— Действующий маршрут отсутствует, но это не делает отправление недействительным.

Мистер Гром снял очки и протёр их. Потом надел, снова посмотрел на письмо и опять снял.

— Утилизируйте.

Кейт выпрямилась.

— На каком основании?

— На том основании, что драконам больше не доставляют почту.

— Адресат существует.

— Где?

— Пока неизвестно.

— Как его зовут?

— Неизвестно.

— Когда письмо отправили?

— Это предстоит выяснить.

— Кто его отправил?

— След отправителя отсутствует.

Мистер Гром развёл руками.

— Вы только что перечислили причины для утилизации.

— Я перечислила причины для работы отдела недоставленных отправлений.

Ух качнул вертушку. Она тихо зашелестела, словно одобряла формулировку. Мистер Гром посмотрел на него.

— Не вмешивайся.

— Он не вмешивается.

Вертушка завертелась быстрее.

— Он делает это весьма выразительно.

Кейт подвинула к начальнику журнал.

— Если вы распоряжаетесь утилизировать зарегистрированное отправление с существующим адресатом, мне понадобится письменное указание и основание со ссылкой на регламент.

Мистер Гром уставился на пустую строку для распоряжения.

— Я не распоряжаюсь.

— Вы сказали: «Утилизируйте».

— Это было предложение.

— Оно прозвучало как приказ.

— У меня выразительный голос.

Из коридора донеслось чужое:

— ...не подпишет...

Уух принёс слова и запах свежей краски.

Мистер Гром быстро оглянулся на дверь.

— Никто ничего не подпишет, потому что подписывать нечего.

Кейт спокойно ждала. Он снова посмотрел на письмо.

— Хорошо. Пусть остаётся зарегистрированным. Но вы не будете тратить на это рабочее время.

— Я обязана проводить необходимые процедуры по восстановлению доставки.

— Необходимые. Именно необходимые. Без самостоятельных экспедиций, расспросов всего города и попыток построить новый воздушный маршрут из канцелярских скрепок.

— Я не собиралась строить маршрут из скрепок.

Мистер Гром помолчал.

— А из чего собирались?

— Я пока ничего не собиралась строить.

Он с облегчением кивнул.

— Вот и прекрасно.

— После работы я планирую сходить в библиотеку.

— После работы вы имеете право читать всё, что выдаёт библиотека, при условии, что не оформляете это как служебную командировку и не приносите мне счёт за книги.

— Книги в библиотеке обычно бесплатные.

— Тем более.

Кейт закрыла папку.

— Значит, открытого запрета на поиск информации в свободное время нет?

Мистер Гром поправил воротник.

— Кейт, я не могу запрещать сотрудникам посещать библиотеку. Даже если они используют её вопреки здравому смыслу.

— Ясно.

— И я совершенно не хочу знать, что именно вы там найдёте.

Уух тихо прошептал:

— Не хочет знать.

— Особенно не хочу, чтобы это повторяли в коридоре.

Он развернулся к двери, но остановился.

— И оформите на него временную карточку присутствия.

— На Ууха?

— На воздушное образование.

— Он живой.

— Тогда на живое воздушное образование. Мне всё равно, как вы назовёте строку, лишь бы при проверке никто не

решил, что у нас по этажу свободно перемещается незарегистрированная погода.

Уух распахнул дверь раньше него. Мистер Гром вышел, прижимая к себе папку.

Из коридора донеслось:

— И держите его подальше от моего кабинета!

Следом прошелестело:

— Нижнем ящике.

Кейт посмотрела на Ууха.

— Это было лишнее.

Ветер пахнул мятными пряниками. После ухода мистера Грома Уух некоторое время летал по отделу с таким видом, будто одержал важную победу над всей почтовой службой.

— Не обольщайся, — сказала Кейт, заполняя временную карточку присутствия. — Он разрешил тебе находиться только здесь и только под мою ответственность.

Уух поднял карточку за угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.